

Д. В. МУХЕТДИНОВ

Московский исламский институт, г. Москва,
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

**РЕЦЕНЗИЯ НА ИЗДАНИЕ
«РУКОПИСНЫЕ КОРАНЫ В РОССИЙСКОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКЕ»
ЗА АВТОРСТВОМ О. В. ВАСИЛЬЕВОЙ
И О. М. ЯСТРЕБОВОЙ¹**

МУХЕТДИНОВ Дамир Ваисович —

доктор теологии, ректор.

Московский исламский институт

(109382, Россия, г. Москва, пр. Кирова, 12);

проф. Восточного факультета.

Санкт-Петербургский государственный университет

(199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11).

E-mail: dmukhetdinov@gmail.com

Для цитирования: *Мухетдинов Д. В.* Рецензия на издание «Рукописные Кораны в Российской национальной библиотеке» за авторством О. В. Васильевой и О. М. Ястребовой // *Ислам в современном мире.* 2023; 2: 159–170;

DOI DOI 10.22311/2074-1529-2023-19-2-159-170

В 2022 г. вышел в свет обзор обширной коллекции рукописей Корана, хранящихся в Российской национальной библиотеке. Коллекция коранических манускриптов, хранящаяся в Санкт-Петербурге, является одной из самых репрезентативных в мире: рукописи датируются VII–XIX вв., создавались они в самых различных частях исламского

---

¹ *Васильева О. В., Ястребова О. М.* Рукописные Кораны в Российской национальной библиотеке. СПб.: Издательство Российской национальной библиотеки, 2022. 152 с.: цв. ил.

мира. Крайне разнообразны и габариты рукописей — от крупноформатных *мусхафов* до самых миниатюрных. Таким образом, коллекция рукописных Коранов, представленная в РНБ, несет огромную духовную, научную и культурную ценность.

Долгое время эти сокровища оставались в значительной мере сокрытыми от широкой публики, и к ним не проявлялось значительного интереса даже в научной среде. Однако в последние годы ситуация стала меняться в положительную сторону, и не в последнюю очередь по той причине, что в России стали организовываться различные общественные мероприятия и программы, направленные на популяризацию Корана как памятника духовной культуры. Так, с 31 октября по 4 ноября 2008 г. к проведению IV Всероссийского мусульманского форума была приурочена выставка «Торжество святости и красоты: Кораны Дагестана», которая проходила в стенах Нижегородской областной научной библиотеки им. В. И. Ленина. В рамках этой выставки впервые в России вниманию широкой публики были представлены старинные рукописные Кораны, хранящиеся в фондах Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук. Специально к данной выставке ИД «Медина» был издан первый в истории России цветной каталог фонда списков Коранов, хранящихся в Рукописном фонде Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук¹.

Активная работа над корановедческими исследованиями и популяризацией коранического наследия продолжалась на протяжении двух последних десятилетий. В частности, эта работа нашла свое выражение в выставочных мероприятиях, которыми особенно был насыщен прошедший 2022 год. Так, в июне в Московской Соборной мечети впервые в истории был представлен «Коран Екатерины II», хранящийся в Отделе литературы стран Азии и Африки Российской Национальной Библиотеки — первый в истории печатный Коран, напечатанный для нужд мусульман в соответствии с каноническими правилами составления мусхафов. Для реализации этого проекта было заключено специальное соглашение между представителями ДУМ РФ и РНБ. Затем при участии ДУМ РФ «Коран Екатерины II» был представлен в г. Касимове в рамках торжеств, посвященных 1100-летию официального принятия ислама народами Волжской Булгарии, а также 870-летию основания г. Касимова, которые проводились в названном городе 9–10 июня 2022 года². Через несколько месяцев, также в контексте празднова-

¹ Торжество святости и красоты: Кораны Дагестана / авт.-сост. Ш. Ш. Шихалиев; под общ. ред. Д. В. Мухетдинова. М.–Н. Новгород: Издательский дом «Медина», 2008. 166 с.: ил.

² Также см. репринтное издание т. н. «Екатерининского Корана» — первого печатного Корана, изданного в России в Санкт-Петербурге в 1787 году: Коран / Духовное управление мусульман Российской Федерации. Репринтное издание 1787 г. Серия: «Коран в России». М.: ИД «Медина»,

ния 1110-летия официального принятия ислама народами Волжской Булгарии и, кроме того, 1400-летия переселения (хиджры) пророка Мухаммада из Мекки в Медину (622–2022) и 15-летия Издательского дома «Медина», под эгидой ДУМ РФ, Российской национальной библиотеки и Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского, Казанского (Приволжского) федерального университета 22–23 сентября 2022 г. в Соборной мечети г. Москвы проводилась выставка «Калям Шариф. Великое наследие», на которой были представлены старопечатные книги, изданные братьями Баруди, два печатных Корана, выпущенных Азиатской типографией при Казанской гимназии в 1803 году, а также первый в истории Коран для детей, изданный ими же в 10 томах. Мусхафы, отпечатанные в Азиатской типографии, для выставки предоставил Казанский федеральный университет, а издания братьев Баруди — Российская национальная библиотека. Выставка этих изданий проводилась впервые в истории. И, наконец, при участии ДУМ РФ в Государственном музее Востока с 3 ноября по 18 декабря 2022 г. проводилась выставка «Московские Кораны» (куратор выставки — заместитель директора Государственного музея Востока И. В. Зайцев), где было представлено 40 уникальных списков Корана, датированных X–XIX вв., происходящих из разных собраний — Государственного музея Востока, Фонда Марджани, Российской государственной библиотеки, Института востоковедения РАН, Научной библиотеки МГИМО МИД РФ, Архива РАН, Научной библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносова, Всероссийской Государственной библиотеки иностранной литературы¹.

В контексте осуществляющегося сегодня в России исследования и популяризации коранического наследия выход в свет работы петербургских коллег «Рукописные Кораны в Российской национальной библиотеке» является крайне важным шагом. Без открытия для научной общественности и широкой публики богатейшей петербургской коллекции рукописных Коранов дальнейшие исследования и популяризация имеющегося в России коранического рукописного фонда были бы немислимы. К счастью, ранее сотрудниками РНБ уже были приняты важные шаги для «разгерметизации» и представления вниманию публики петербургского коранического фонда. Так, речь идет о трех электронных выставках, представленных на сайте РНБ: «Коллекция древних куфических коранов Жана-Жозефа Марсея»², «Руко-

---

2022. 496 с. См. также: *Фахретдин Р.* Коран и книгопечатание / под общ. ред. Д. В. Мухетдинова. М.: ИД «Медина», 2022. С. 17.

¹ Московские Кораны «Истина прекраснейшего»: каталог выставки / сост., вст. ст. И. В. Зайцев; опис. И. В. Зайцев, Г. В. Ласикова. Серия: «Коран в России». М.: ИД «Медина», 2023.

² *Васильева О. В., Ястребова О. М.* Коллекция древних куфических коранов Жана-Жозефа Марсея. [Электронный ресурс] // URL: https://expositions.nlr.ru/ex_manus/Koran/

писные Кораны в Российской национальной библиотеке»¹ и «Самаркандский Коран в Публичной библиотеке (1870–1917)»².

Закономерным продолжением упомянутых проектов стала публикация обзорной работы «Рукописные Кораны в Российской национальной библиотеке», призванной составить представление о хранящейся в РНБ коллекции Коранов, истории ее формирования, ключевых особенностях и ее наиболее примечательных памятниках. Текст издания состоит из восьми основных частей: предисловия за авторством рецензента издания проф. Е. А. Резвана, общего введения под заглавием «Коран — “Благородная речь”», раздела «Особенности художественного оформления списков Корана», посвященного обзору общих вопросов, связанных с феноменом коранических рукописей, и специальных разделов, непосредственно посвященных петербургской коллекции рукописей Корана: «Кораны Российской национальной библиотеки в истории и искусстве книги», «История коллекции», «Из истории бытования». Изложение венчается «Заключением», после чего в издании следуют два приложения — одно представляет собой ценный в научном отношении «Список шифров рукописных Коранов», а второе — «Описание Коранов, утраченных в 1990-е гг.». Завершается издание списком литературы и разделом с иллюстрациями, содержащим несколько десятков цветных иллюстраций рукописей Корана.

Обсуждаемое издание построено таким образом, что оно позволяет читателю составить представление не только о петербургской коллекции манускриптов Корана, но и об истории развития коранической рукописной традиции как таковой, т. к. представляемая коллекция обладает высокой степенью исторической и географической репрезентативности. Особый интерес также представляют приведенные сведения об истории коллекции — в этом отношении издание «Рукописные Кораны в Российской национальной библиотеке» носит уникальный характер. Отдельно стоит отметить приведенные в издании высококачественные цветные иллюстрации Корана — расположенные в хронологическом порядке, они отлично дополняют текст работы, и позволяют сформировать целостное представление об эволюции стиля коранических рукописей от стиля *хиджази* до почерка *насталик*. Таким образом, публикация издания «Рукописные Кораны в Российской национальной библиотеке» стала знаменательным событием в отечественном корановедении, а также в деле популяризации российского рукописного коранического наследия.

Вместе с тем нельзя не отметить, что в тексте издания, а именно в разделах «Коран — “Благородная речь”» и «Особенности художественного

¹ Васильева О. В. Рукописные Кораны в Российской национальной библиотеке. [Электронный ресурс] // URL: <https://expositions.nlr.ru/ve/RA3991/rukopisnye-korany-istoriya>

² Васильева О. В. Самаркандский Коран в Публичной библиотеке (1870–1917). [Электронный ресурс] // URL: <https://expositions.nlr.ru/ve/RA4734/Samarkandskiy-Koran-zavoevanie-Samarkanda>

оформления списков Корана», нами были отмечены некоторые досадные недочеты, которые по большей части относятся к общим теологическим, исламоведческим и корановедческим вопросам. Несмотря на то, что эти вопросы имеют лишь косвенное отношение к непосредственному историко-архивному исследованию памятников, ими не следует пренебрегать. Если эти нюансы могут и не оказывать прямого влияния на вопросы атрибуции и каталогизации, тем не менее к ним следует отнестись с должным вниманием, поскольку они образуют необходимую теоретическую рамку исследований, являются составной частью научной парадигмы. Более того, обсуждаемое издание носит также и просветительский характер, вследствие чего вопрос о найденных в текстах недочетах приобретает особенную остроту: если человек, обладающий специальной гуманитарной эрудицией, вполне может отделить «зерна от плевел», то широкая аудитория способна на это далеко не всегда, в результате чего у некоторой части публики могут закрепиться ошибочные представления о тех или иных аспектах ислама, исламоведения или корановедения. По этой причине считаем необходимым не только указать на найденные нами недочеты, но и привести со своей стороны соображения и сведения, которые в дальнейшем помогли бы избежать подобных неточностей при составлении аналогичных изданий.

Моменты, которые мы нашли нужным обсудить, будут расположены в соответствии с тем, в каком порядке они встречаются в тексте издания. Итак, мы начнем со стр. 10 (раздел «Коран — “Благородная речь”»), в первом абзаце которого сказано следующее: «Коран был явлен пророку Мухаммаду (ок. 570–632) в откровениях, *сначала передавался в основном устно* и был *письменно* зафиксирован последователями Мухаммада *вскоре после его кончины* в первые десятилетия хиджры (курсив наш. — Д. М.)»¹.

В данной формулировке содержится сразу две неточности: согласно исламской традиции, Коран фиксировался письменно не только после смерти Пророка, но и при его жизни, причем еще в мекканский период пророчества. Следует начать с того, что многие айаты Корана называют Коран *kitāb* — т. е. книгой. Исламская традиция гласит, что Коран предназначен для того, чтобы быть записанным. Запись является его конечной, завершенной формой. Поэтому письменная фиксация Корана активно велась еще в самый ранний мекканский период. Об этом, например, свидетельствует знаменитая история о принятии ислама будущим вторым праведным халифом Умаром ибн ал-Хаттабом (ум. 644), которую сообщает Ибн Хишам (ум. 833)². В истории среди прочего неоднократно

¹ Васильева О. В., Ястребова О. М. Рукописные Кораны в Российской национальной библиотеке. С. 10–11.

² Ибн Хишам. Жизнеописание Пророка Мухаммада, рассказанное со слов аль-Баккайи, со слов Ибн Исхака аль-Мутталиба (первая половина VIII века) / пер. с араб. Н. А. Гайнуллина. М.: Умма, 2007. С. 137–142.

фигурирует свиток с сурой *Та Ха*, которую мусульмане читали вслух. В пользу того, что фрагменты Корана, открытые Мухаммаду в Мекке, были именно записаны, свидетельствуют также сподвижник и двоюродный брат Пророка Абдуллах ибн Аббас (619–686)¹ и один из первых письменных фиксаторов хадисов Ибн Шихаб аз-Зухри (671–741)². До нас также дошли слова писца Пророка Халида ибн Саида ибн ал-Аса, который говорил о том, что он «был первым, кто записал “Бисмиллях ар-Рахман ар-Рахим” [Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного]»³. Имеется и сообщение следующего характера: когда сподвижник Пророка Рафи ибн Малик ал-Ансари посетил ал-Акабу, Пророк передал ему все айаты, которые были раскрыты в течение предыдущего десятилетия. Вернувшись в Медину, Рафи собрал свое племя и прочел ему переданные суры⁴. Из всего этого можно сделать вывод, что, согласно мусульманскому преданию, еще в мекканский период фиксация текста Корана была последовательным, осмысленным и контролируемым процессом. В мединский период этот процесс был в еще большей степени расширен и систематизирован.

Второй момент из процитированного фрагмента текста, на который мы бы хотели обратить внимание — «Коран... *сначала передавался в основном устно*»⁵. Из этого высказывания можно сделать вывод о том, что после записи Коран как бы перестал передаваться в устной форме или что устная передача после записи ушла на второй план. Однако традиция устной рецитации и передачи Корана, его заучивания наизусть сохранялась на протяжении многих веков, а в том, что касается устной рецитации Корана по памяти, она сохранилась и по сей день. Для должного понимания того места, которое занимает Коран в исламской культуре, важно не упускать из видимости принципиальную важность этой устной традиции.

На той же стр. 10 авторами говорится, что «усилиями третьего халифа Усмана (Османа, прав. 644–656) была создана редакция текста, общепринятая для всех мусульман». Данное утверждение можно назвать грубым упрощением на грани с ошибкой. Это связано с тем, что формирование «редакции текста, общепринятой для всех мусульман» с точки зрения традиционной исламской историографии, к которой здесь

¹ *Ибн Дурайс, Мухаммад ибн Аййуб*. Фада'ил ал-Кур'ан. Дамаск, 1408/1987. С. 33.

² *Аз-Зухри, ибн Шихаб*. Танзил ал-Кур'ан. Под ред. Мунаджидда. Бейрут, 1963. С. 32; *Ибн Касир, Исма'ил*. Ал-Бидайа ва ан-Нихайа. Каир, 1348/1929. С. 340; *Ибн Хаджар ал-Аскалани, Ахмад ибн 'Али*. Фатх ал-бари фи шарх сахих ал-Бухари, под ред. Ф. Абд ал-Баки, в 13 т. Каир: ал-матба'а ас-салафийа, 1380–1390/1960–1970. Т. IX. С. 52.

³ *Ас-Суйути, Джалал ад-дин 'Абд ар-Рахман ибн Абу Бакр*. Ад-Дур ал-Мансур, в 6 т. Тегеран, 1377/1957. Т. I. Гл. II.

⁴ *Ал-Каттани, 'Абд ал-Хайй*. Низам ал-хукума ан-набавийа (ат-Таратиб ал-Идарийа), в 2 т. Бейрут, без даты. Т. I. С. 45.

⁵ *Васильева О. В., Ястребова О. М.* Рукописные Кораны в Российской национальной библиотеке. С. 11.

и далее, судя по всему, апеллируют авторы текста, было весьма сложным и многомерным процессом. Из вышеприведенного тезиса авторов работы можно сделать вывод о том, будто бы за упомянутым процессом стоит лишь один Усман ибн Аффан. В действительности же, упомянутые О. В. Васильевой и О. М. Ястребовой усилия третьего праведного халифа носили преимущественно политико-организационный характер и явились прямым продолжением того, что было инициировано и в значительной степени воплощено его предшественниками, а также другими сподвижниками, в первую очередь — Зайдом ибн Сабитом (610–665). Таким образом, утверждение авторов издания может создать у читателя совершенно неадекватное представление о генезисе письменного коранического корпуса.

Дабы не быть голословными, приведем краткий синопсис того, как в исламской историографии отражен процесс формирования коранического корпуса. Согласно традиционной мусульманской историографии, в деле создания единого коранического корпуса ведущую роль сыграли четыре сподвижника Пророка: халифы Абу Бакр ас-Сиддик (573–634), Умар ибн ал-Хаттаб и Усман ибн Аффан (ум. 656), а также секретарь Пророка Зайд ибн Сабит. Кроме того, в этом ключевом процессе также приняло участие значительное число других сподвижников.

Из преданий известно, что для составления свода коранического текста халиф Абу Бакр ас-Сиддик организовал сбор письменных материалов, на которых были записаны айаты Корана. Они должны были быть тщательно проверены, сверены между собой и объединены в единую Книгу. Первым праведным халифом принимались к рассмотрению только те материалы, которые, согласно показаниям двух свидетелей, были записаны в присутствии и под контролем Пророка¹. Ответственным за этот сбор был назначен Зайд ибн Сабит, которому было доверено столь важное дело ввиду его молодости, энергичности, безупречной нравственности, светлого ума, высшей степени компетентности и опыта записи Откровения — *вахй*². Кроме того, исторические документы свидетельствуют о том, что Зайд ибн Сабит был одним из немногих людей, кому довелось присутствовать во время того, как ангел Джibriл обратился к Пророку во время рамадана³.

После того как Коран был собран воедино, он был помещен в специальное хранилище, находившееся под особой охраной. Этот единый свод сур был назван *сухуф*, что в буквальном переводе с арабского значит «листы», или «свитки». В свою очередь, те копии *сухуфа*, которые

¹ Мухетдинов Д., Хайретдинов Д. История исламской цивилизации. От эпохи праведных халифов до падения государства мамлюков (VII–XVI вв.): учебное пособие / под общ. ред. д-ра ист. наук, проф. А. Ю. Хабутдинова. М.: ИД «Медина», 2014. С. 33.

² См.: Сахих ал-Бухари, 4986.

³ *Ал-Джаза'ири, Тахир*. Ат-Тибйан. Бейрут, 1421/1992. С. 126.

впоследствии будут разосланы халифом Усманом ибн Аффаном в разные земли Халифата, получают названия *мусхаф*¹. Этим словом в дальнейшем будет называться письменная копия Корана. Халиф Абу Бакр ас-Сиддик назначил своим преемником Умара ибн ал-Хаттаба. Ему было поручено самым пристальным образом следить за неприкосновенностью *сухуфа*. Новый халиф уделял особое внимание распространению Корана за пределами Аравии, а также всеобщему распространению грамотности. По сути, *сухуф* являлся первой версией коранического корпуса, которой в общем и целом будут соответствовать все аутентифицированные версии Корана, созданные в позднейшие периоды. Кроме того, *сухуф* стал основой развивавшегося мусульманского просвещения: он являлся таким первоисточником, который санкционировал чтение Корана и обучение ему. Иными словами, *сухуф* уже являлся своеобразным прототипом зафиксированного Откровения.

Правление второго праведного халифа оборвалось внезапно и трагически: он был убит в 23/644 г. и не успел назвать своего преемника. При этом *сухуф* был доверен вдове Пророка, Хафсе. Согласно мусульманскому преданию, следующим халифом был избран Усман ибн Аффан. Именно в период его правления коранический корпус был сформирован окончательно. Одной из проблем, с которой столкнулась в тот период умма, стала разница чтений Корана, что становилось причиной конфликтов и распрей. Создание единого и общедоступного коранического корпуса с унифицированными правилами чтения стало первостепенной духовной и политической задачей. Для того чтобы разрешить сложившуюся ситуацию, Усман ибн Аффан в том же году собрал сподвижников и попросил их предложить свои варианты решения проблемы².

После проведенных обсуждений Усман ибн Аффан приказал сделать единообразные, утвержденные копии Корана (*мусхафы*). Существует две версии того, каким образом была выполнена поставленная задача. Согласно первой (которая является наиболее известной), копии были сделаны исключительно в опоре на *сухуф*, хранившийся у вдовы Пророка Хафсы³. Другая версия гласит, что сначала из первоисточников был составлен новый независимый *мусхаф* (подобно тому, как был создан *сухуф*), а затем его сравнили с уже имевшимся *сухуфом*⁴. Обе вер-

¹ См. подробнее синопсис традиционной мусульманской историографии истории сводов Корана: *Ростовдони М. Дж.* История Корана и его сводов. М.: ИД «Медина», 2017. С. 40–62.

² *Ибн Аби Давуд Абу Давуд Сулейман ибн ал-Аш'ас ас-Сиджистани.* Книга ал-Масахиф. Бейрут, Лубнан: Дару ал-Башаири ал-исламияти, 1415–1995\1423–2002. Т. I. С. 212–213. № 87.

³ См. подробнее следующие работы: *Ибн Хаджар ал-Аскалани, Ахмад ибн 'Али.* Фатх ал-бари фи шарх сахих ал-Бухари: в 13 т. / под ред. Ф. 'Абд ал-Баки. Каир: ал-матба'а ас-салафиййа, 1380–1390/1960–1970. Т. IX. С. 11; *Ибн Аби Давуд Абу Давуд Сулейман ибн ал-Аш'ас ас-Сиджистани.* Книга ал-Масахиф. Т. I. С. 195. № 67; *Абу 'Убайд, ал-Касим ибн Саллам.* Фада'ил ал-Кур'ан. Дамаск, 1415/1995. С. 282.

⁴ *Ибн Са'д, Мухаммад* Книга ат-Табакат ал-Кубра: в 9 т. Лейден, 1905–1917. Т. III, гл. 2. С. 62; *Ибн Аби Давуд Абу Давуд Сулейман ибн ал-Аш'ас ас-Сиджистани.* Книга ал-Масахиф. Т. I. С. 214. № 90.

сии сходятся в том, что *сухуф*, хранившийся у Хафсы, сыграл важную роль в создании *мусхафа* Усмана. Ответственным за составление *мусхафа* был вновь назначен Зайд ибн Сабит¹. Возможно, что имела место двойная сверка: с первоисточниками и с первым собранием первоисточников². Из исторических источников известно, что после сравнения с *сухуфом мусхаф* «прочитали сподвижникам в присутствии Усмана ибн Аффана»³. Затем сподвижникам было предписано копировать *мусхаф* для личного пользования. Некоторое количество заверенных копий *мусхафа* отправлялись в разные концы расширявшегося в то время Халифата. Несмотря на то, что данная политика не помогла полностью избежать расхождений в чтении⁴ и понимании текста Корана, она, согласно оценке традиционной мусульманской и западноевропейской историографии, помогла сохранить главное, а именно идентичность и единообразие коранического текста на протяжении вот уже четырнадцати веков⁵.

Далее мы бы хотели обратиться к фрагменту текста на стр. 11, где сказано следующее: «В самом его [Корана. — Д. М.] тексте пророк Мухаммад называет *свое откровение* также словами...» Дело в том, что, согласно исламской традиции, не следует характеризовать ниспосланное Мухаммаду Откровение относящимися к Мухаммаду притяжательными местоимениями, поскольку сам Мухаммад не является собственно автором текста Корана, а лишь ретранслятором. Подобные формулировки могут запутать читателя и ввести его в заблуждение. Если же авторы обсуждаемого издания в данном случае придерживались атеистической установки, вроде той, что была обязательной в советском востоковедении, тогда об этом следовало бы упомянуть отдельно. В противном случае следует говорить о том, что в самом кораническом тексте Коран характеризуется как *ал-Китаб* — «Книга», *ал-Фуркан* — «Различение», *аз-Зикр* — «Напоминание» и т. д.

Переходя к разделу «Особенности художественного оформления списков Корана», обратимся к следующему утверждению, находящемуся на стр. 12: «Весьма вероятно, что изначально Священный текст записывали на отдельных листах, но очень скоро Коран обрел форму книги-кодекса...»⁶ В этом высказывании содержится неточность.

¹ Джефри А. Мукаддиматан фи 'улум ал-Кур'ан. Каир, 1954. С. 22.

² Ибн Шабба, 'Умар. Тарих ал-Мадина ал-Мунаввара: в 4 т. / под ред. Ф. Шалтута. Джидда, 1399/1979. С. 1001–1002.

³ Ибн Касир, *Исма'ил*. Фада'ил ал-Кур'ан: в 7 т. Из Тафсир ибн Касир. Бейрут, 1385/1966). Т. VII. С. 450.

⁴ Речь идет о различных вариантах чтения Корана (*ал-кирā'a*).

⁵ Мухетдинов Д. В. Краткий очерк истории изучения генезиса коранического корпуса в современном западном корановедении (с XIX в. по наши дни). *Minbar. Islamic Studies*. 2023 (готовится к публикации).

⁶ Васильева О. В., Ястребова О. М. Рукописные Кораны в Российской национальной библиотеке. С. 13.

Действительно, науке доподлинно неизвестно, на каком материале были записаны первые коранические Откровения, поскольку в распоряжении ученых отсутствуют соответствующие материальные подтверждения. Касательно этого вопроса пока можно лишь строить гипотезы при опоре на косвенные свидетельства. Такого рода сведения представлены в традиционной исламской историографии. Так, в *Сахих ал-Бухари* представлены следующие слова, приписываемые сподвижнику Пророка Зайду ибн Сабиту: «...После этого я принялся за работу и начал собирать Коран, записанный на голых пальмовых ветвях, на плоских камнях и находящийся в сердцах людей...»¹ В связи с наличием таких свидетельств, следовало бы скорректировать выдвинутое авторами предположение о первоначальной записи фрагментов Корана на неких «отдельных листах», поскольку речь идет не столько о листах пергамента/папируса, сколько о любых пригодных для записи носителях.

На странице стр. 14 говорится о том, что «...среди первых писцов Корана были не только мусульмане, но и христиане, а потому некоторые ученые допускают, что на эстетику ранней коранической каллиграфии оказали влияние в том числе особенности христианского палеоарамейского и восточно-сирийского письма»². Если понимать данное суждение буквально, то оно является ошибочным: исламская традиция не содержит сведений о том, что среди тех, кто фиксировал первые коранические Откровения, присутствовали христиане (тем не менее имеется возможность, что некоторые из тех, кто записывал за Мухаммадом Откровение, некогда были христианами). Если же речь идет о том, что в ранний период истории Халифата создателями некоторых коранических рукописей могли быть христиане, тогда данную формулировку стоило бы скорректировать, уточнить, развернуть и дополнительно обосновать. Тем не менее со своей стороны мы не подвергаем сомнению то, что имело место влияние сирийской, персидской и греческой письменных традиций на становление соответствующей арабской традиции.

На стр. 15, говоря об общей структуре текста Корана, авторы допускают досадную неточность говоря о том, что суры Корана после первой расположены в порядке убывания количества аятов³. В действительности же расположение сур Корана не имеет строгого порядка соотношению убыванию количества аятов в них; речь может лишь идти об общей тенденции убывания количества аятов в сурах при продвижении от второй к последней, которая, однако, отмечается не всегда. Так, в суре 5 (*Ал-Ма'уда*) — 120 аятов, в суре 6 (*Ал-Ан'ам*) — 165 аятов, в суре 7

¹ Сахих ал-Бухари, 4986.

² Васильева О.В., Ястребова О.М. Рукописные Кораны в Российской национальной библиотеке. С. 14.

³ Там же. С. 15.

(Ал-'А'раф) — 206 аятов, в суре 8 (Ал-'Анфал) — 75 аятов, в суре 9 (Ам-Тауба) — 129 аятов и т. д.

На той же 15-й странице текста содержится ошибочное утверждение: сказано, что седьмая часть Корана, каждая из которых должна прочитываться в определенный день недели, называется «суб», тогда как в действительности она называется «манзил»¹.

На следующей, 16-й странице нами была обнаружена еще одна терминологическая ошибка — земной поклон назван «сиджда», тогда как правильная транслитерация выглядит как «суджуд», или же «саджа» (см. название суры 32 — «Ас-Саджа»).

И, наконец, на 17-й странице обнаружился еще один серьезный недочет. Так, авторы утверждают, что «все суры Корана начинаются одной и той же фразой, басмаллой («Во имя Бога, Всемилостивого, Всемилосердного»)»². Однако сура 9 («Ам-Тауба») не начинается с басмалы. Кроме того, слово «басмала» принято писать с одной буквой «л» (арабское слово بِسْمَلَة также содержит одну букву «лам»). Также хотим обратить внимание на то, что авторы приводят перевод басмалы на русский язык без указания источника. Приведенный фрагмент не относится ни к одному из распространенных переводов смыслов Корана на русский язык (например, за авторством Э. Кулиева, Б. Я. Шидфар, В. Пороховой, М.-Н. Османова, И. Ю. Крачковского, Г. С. Саблукова или к русскому переводу тафсира А. Ю. Али). Здесь остается лишь гадать: либо авторы издания оказались неудовлетворены популярными — будь то в академической среде или же у широкой аудитории — русскими переводами и предпочли свой оригинальный; либо они воспользовались каким-то малоизвестным или вовсе неизвестным существующим переводом. Какая бы из этих альтернатив ни оказалось верной, такое решение выглядит по меньшей мере странным и не вполне обоснованным. Поскольку во всех распространенных переводах смыслов Корана на русский язык подобного рода интерпретация басмалы не представлена, смысл подобной «альтернативной» интерпретации не вполне очевиден. А учитывая, что обсуждаемое издание направлено на привлечение внимания к Корану как памятнику духовной культуры, подобные переводческие решения спорного характера могут составить у читателей искаженное представление о смысле одной из важнейших коранических фраз.

Иных достойных внимания недочетов нами обнаружено не было. Итак, издание «Рукописные Кораны в Российской национальной библиотеке» за авторством О. В. Васильевой и О. М. Ястребовой представляет

¹ Васильева О. В., Ястребова О. М. Рукописные Кораны в Российской национальной библиотеке. С. 15.

² Там же. С. 17.

значительный интерес и обладает высокой научной и общественно-культурной значимостью. Вместе с тем, хотя отмеченные нами недочеты и не связаны напрямую с библиотечной и архивной работой, они досадным образом снижают общий научный уровень издания. Более того, проанализированные нами неточности способны нанести урон процессу информирования широкой аудитории об исламе и Коране, поскольку встречающиеся в тексте огрехи могут способствовать незаметному закреплению у заинтересованной публики некоторых ошибочных представлений. Если учесть, что источником неточных, а подчас ложных сведений является издание, подготовленное столь авторитетной институцией, как Российская национальная библиотека, и при этом прошедшее рецензирование со стороны ведущих российских специалистов, то степень указанной нами опасности некритического восприятия ошибочных сведений лишь возрастает. Приветствуя общий замысел издания и высоко оценивая его ключевые особенности, мы выражаем свою обеспокоенность допущенной небрежностью и выражаем надежду на то, что впредь уважаемые коллеги будут проявлять щепетильность не только по отношению к узкоспециальным, но и к общегуманитарным аспектам как проводимой ими научной работы, так и популяризации ее результатов.